

Татьяна Таирова-Яковлева

К вопросу об уровне образованности и эпистолярной культуры представительниц казацкой старшины второй половины XVII – начала XVIII вв.

Хорошо известно, что среди жен и дочерей украинской шляхты и старшины XVII – начала XVIII вв. было много весьма образованных особ. Свобода, которой пользовались украинские женщины, во многом исходившая из западных традиций, частично перенятая из Польши, а в чем-то сохранившаяся со времен Киевской Руси, коренным образом отличала их от запертых в теремах русских цариц и царевен. Даже в самом конце XVII в. еще казалось небывалым делом внедрение новых причесок, предпринятое Агафьей Семеновной Грушецкой, супругой царя Федора Алексеевича, а тем более – публичные появления и претензии на власть царевны Софьи Алексеевны.

Многие украинские женщины, начиная с середины XVI в., были активными членами братств. Скорее всего, многие из них были грамотными. Самой известной церковной деятельницей второй половины XVII – начала XVIII в. была Мария Магдалена, мать Ивана Мазепы. До наших дней дошли официальные документы Киевского Печерского девичьего монастыря, подписанные ее властной рукой¹. Можно вспомнить и значительно более ранний эпизод, когда Ганна Хмельницкая, третья жена Богдана, издала в отсутствие мужа собственный универсал².

Однако до сих пор историки располагают лишь отрывочными свидетельствами об уровне образованности женщин Гетманщины. Так как специальных учебных заведений для них не существовало вплоть до середины XVIII в., они могли получать только домашнее образование. То, что до наших дней не дошли личные архивы деятелей Гетманщины, не позволяет судить о том, существовал ли пласт "личной" корреспонденции женщин Гетманщины. Переписывались ли они со своими мужьями (тут можно вспомнить знаменитую переписку Яна Казимира с Марией-Людовикой и Яна Собесского с Марией-Казимирой) или между собой?

Единственным до сих пор известным свидетельством переписки с женщиной было существование "любовных" писем Ивана Мазепы, адресованных Мотре Кочубей. Письма настолько личные, что, вне всяких сомнений, они предназначались только для девушки, то есть она как минимум умела читать. К тому же в этих письмах есть упоминание о дорогом подарке Мазепы – "книжечке"³. Такой подарок также имел смысл, только если допустить, что Мотря была достаточно образована, чтобы интересоваться литературой.

Недавно нам удалось выявить в Российском государственном архиве древних актов письмо Анны Обидовской, адресованное ее матери Людмиле Кочубей. Оно представляет собой уникальный образец личной женской переписки представительниц левобережной украинской старшины начала XVII в. Письмо было написано 1 марта 1707 г. и интересно также как образец "простой мовы" того времени. К тому же, оно содержит новые биографические подробности.

Известно, что в 1698 г. Анна, дочь генерального писаря Василия Кочубея, вышла замуж за Ива-

на Обидовского, любимого племянника Ивана Мазепы, которого все пророчили в преемники гетмана. Венчал их тогда сам Стефан Яворский. Но в самом начале Северной войны, в феврале 1701 г. Иван Обидовский умер. На содержание Анне были за заслуги Ивана Обидовского пожалованы села Крупичполе, Вишневка, Сваричевка, Коравай и Переводы. Считалось, что Анна так и оставалась вдовой, причем, когда начались гонения на мазепинцев в 1709 г., ее с сыном не минула эта участь, несмотря на то, что она была дочь Кочубея, реабилитированного Петром I. Анна была лишена принадлежавших ей имений, вплоть до 1711 г. содержалась в Полтаве под следствием. Затем, по решению суда, она была отправлена в Глухов, где ей было приказано безвыездно жить.

Из письма следует, что после смерти И. Обидовского Анна тяготилась своим положением вдовы. За ней активно ухаживал молодой пан Красенский, который сделал ей официальное предложение. Так как к этому времени Василий Кочубей уже высказал свое согласие, то Анна просила согласия матери и предлагала устроить официальное сватовство после возвращения из похода гетмана Ивана Мазепы (как ближайшего родственника ее первого мужа) и Василия Кочубея. Письмо дышит радостными надеждами молодой женщины, которым, скорее всего, не суждено было сбыться. В апреле 1707 г. произошел роковой военный совет в Жолкве, после которого стало ясно, что Петр I собирается превратить Гетманщину в "выжженный край"⁴. И. Мазепа начал переговоры с поляками, а в сентябре В. Кочубей написал свой первый донос.

Никаких свидетельств о том, вышла ли Анна Обидовская-Кочубей замуж второй раз, не сохранилось. Но ее письмо к матери – это уникальный документ, приоткрывающий завесу над повседневной жизнью украинских женщин начала XVIII в.

Документ публикуется на основании принципов, принятых в археографии России для издания документов XVII – XVIII вв. Текст печатается с сохранением орфографии, но с заменой отсутствующих в современной орфографии букв. Буква "ъ" в конце слов не воспроизведена. Титла раскрыты по правилам современного правописания, выносные буквы введены в строку, и в примечаниях это специально не оговаривается. "Де", "г", "го" переданы полными словами ("день", "год" или "года") без специальных оговорок в примечаниях, равно как и пропущенные "а" и "е" после букв "в", "д", "л", "м", "н". Пунктуация расставлена согласно современным правилам. Отточия означают пропуски, не подавшиеся надежному восстановлению.

1. Гетман Иван Мазепа. Документы из архивных собраний Санкт-Петербурга. – СПб., 2007. – Вып. 1. – № 349. – С. 216.

2. Лазаревский А. Властная гетманша // Киевская старина. – 1882. – № 1. – С. 213–214.

3. Тацрова-Яковлева Т.Г. Мазепа. – М., 2007. – С. 266.

4. Там же. – С. 188–190.

Милостивая добродейко, мосци пане матко.

Яко устне, будучи в Батурине, ознамовала вашей милости, моей доброеице, же пан Красенский молодой старается в приязнь мою, так и листовне ознаймую вашей милости, доброеице, же по килка кротне отзовется то устне, то листовне. А тепер, под час сего ярмарку Борзенского, приездил секретнее до Нежина и, будучи в мене, просил в певную декларациею. Теди я, пометаючи, як его милость, добродей пан родич был в селце моем Перевод, и я ознаменовала о том доброееви, иж его милость, пан родич, родительским словом мовил: Бог благословит. Тут ж уважала, же мне для розних причин в вдовином стану не зоставати и, видячи зичливое и щирое старане его, деклоровалам: дождавши щастливого, даст Господи Боже, повороту ясневельможного пана гетмана и его милости, добродея пана родича, неотмовне бути приятелем ему, теди упавши до стоп ног родических вашей милости, моей милостивой добродейки, прошу покорнее родительского благословения и абы за благословением вашим родительским тое дело могло скончиться. В що покорнее упрошаючи, отдаюся з сыном моим милостивой добродейской ласце.

З Нежина марта 1 року 1707 (?)

Вашей милости, моей милостивой доброеицы во всем ...шая дочка и наинижайшая слуга и дщерь

Анна Кочубеевна Обедовская

РГАДА. – Ф. 124. Малороссийские дела. 1708. – № 20. – Л. 15. Подлинник.

Сергій Токарєв

Нововиявлені документи про діяльність "Експедиції Батуринського та Глухівського будівництва" на початку 50-х рр. XVIII ст.

У жовтні 1708 р. у розпал Північної війни між Московщиною та Швецією гетьман І. Мазепа підняв повстання проти російського панування і перейшов на бік короля Карла XII. Відповідь не забарилася. На початку листопада російські вояки під проводом О. Меншикова захопили і практично повністю знищили столицю Української козацької держави – Батурин разом з її захисниками й місцевими жителями. Тим не менше, обраний у 1727 р. гетьманом Лівобережної України Д. Апостол порушив клопотання щодо переведення сюди своєї резиденції з Глухова. Для цього якраз настав зручний момент: О. Меншиков, якому натоді належав Батурин, опинився в опалі, а його маєтності було конфісковано¹. У червні 1731 р. Д. Апостол доручив воронізькому сотнику І. Холодовичу, який перебував у Москві, клопотатись про перенесення столиці Гетьманщини до Батурина, але жодної відповіді не отримав².

У 1734 р., після смерті Д. Апостола, влада на Лівобережній Україні перейшла до "Правління